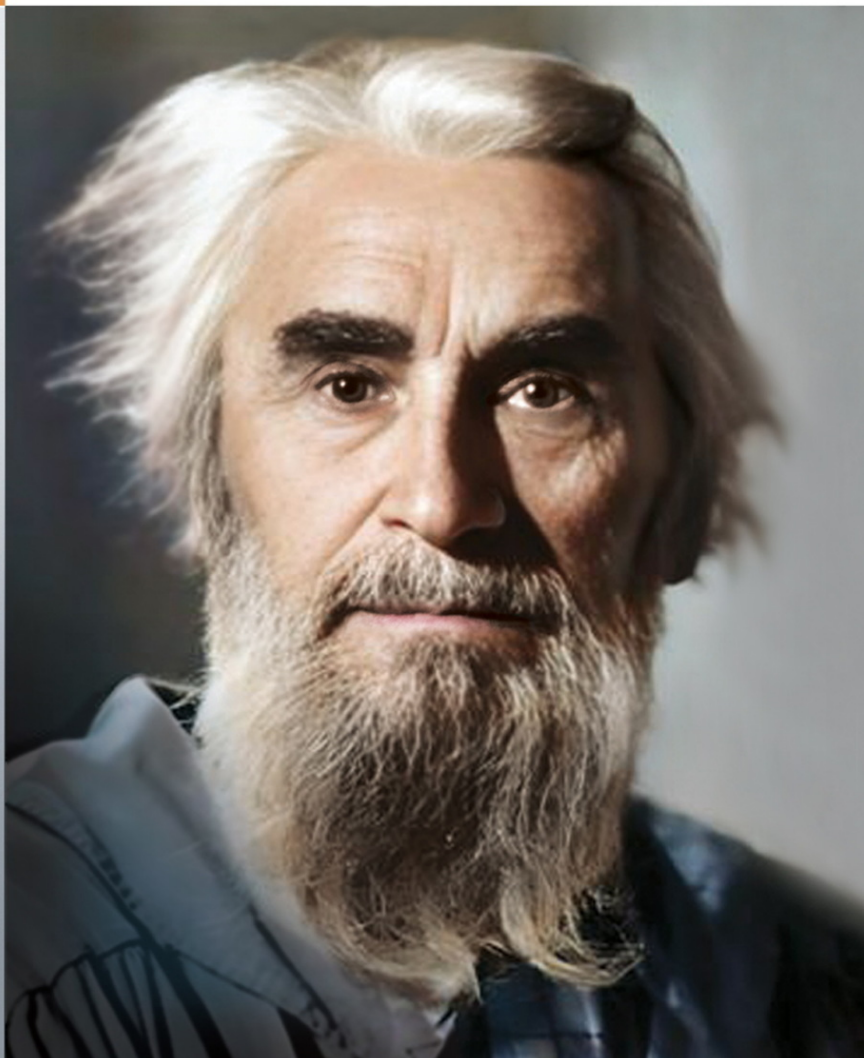

КОНЁНКОВ

Екатерина
Скоробогачёва

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Екатерина Скоробогачева

Конёнков. Негасимые образы духа

«ВЕБКНИГА»

2026

Скоробогачева Е.

Конёнков. Негасимые образы духа / Е. Скоробогачева —
«ВЕБКНИГА», 2026 — (Жизнь замечательных людей)

ISBN 978-5-235-04874-4

Жизнь выдающегося скульптора Сергея Тимофеевича Конёнкова, соединяющая в себе эпохи XIX и XX столетий, полна контрастов и зигзагов, что во многом объясняется и его характером, и сутью того времени, в которое он жил. Но вместе с тем его жизненный путь целен, глубоко содержателен, богат событиями и творческими свершениями, теми образами негасимого духа, которые сохраняют для нас его скульптурные произведения, графика, публицистика, воспоминания. Выходец из крестьянской семьи, он достиг вершин признания в отечественном и мировом искусстве. XX век поистине стал его веком, насыщенным различными стилистическими направлениями и творческими экспериментами, на которые чутко откликался скульптор. Он был, несомненно, подвижником духа, как и каждый художник столь высокого профессионального уровня и глубинной философии творчества. Но Конёнков стал подвижником духа вдвойне – благодаря своей безграничной преданности искусству и неизбывной вере в созидательность труда, христианские истины, наш народ и его многовековую историю, в Россию.

ISBN 978-5-235-04874-4

© Скоробогачева Е., 2026

© ВЕБКНИГА, 2026

Содержание

Введение	7
Глава 1	9
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Екатерина Скоробогачева Конёнков. Негасимые образы духа

Жизнь замечательных людей. Серия биографий. Основана в 1890 году Ф. Павленковым и продолжена в 1933 году М. Горьким

Выпуск 2043

Фото скульптурных работ С. Т. Конёнкова предоставлены ОГБУК «Смоленский государственный музей-заповедник»

© Скоробогачева Е. А., 2026

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2026

Введение

У писателя – слова, у скульптора – деяния¹.
Помпони Гаурик

Жизнь выдающегося скульптора Сергея Тимофеевича Конёнкова, соединяющая в себе эпохи XIX и XX столетий, полна контрастов и зигзагов, что во многом объясняется и его характером, и сутью того времени, в которое он жил. Но вместе с тем его жизненный путь целен, глубоко содержателен, исключительно насыщен событиями и творческими свершениями, теми образами негасимого духа, которые сохраняют для нас его скульптурные произведения, графика, публицистика, воспоминания.

Выходец из крестьянской семьи достиг вершин признания в отечественном и мировом искусстве. Разделяя приверженность революционным переменам в России, тем не менее эмигрировал из Страны Советов. Будучи глубоко верующим человеком, условно принял атеизм советской идеологии, а позже, уже в годы эмиграции, разрабатывал собственные религиозно-философские концепции, основываясь на текстах Библии. Резкость его нрава и категоричность суждений были очевидны для современников, но все же он виртуозно умел находить компромиссы, что позволяло добиваться целей и реализовывать профессиональные замыслы. Казалось бы, Конёнков жил, руководствуясь всецело своими настроениями и импульсами, однако жизненная канва скульптора логично построена, а ее орнаменты, вытканые из взаимосвязи событий и человеческих взаимоотношений, строго продуманны и последовательны.

Его путь, поражающий обилием событий, творческих свершений, общественных начинаний, проложен в пространстве XX века, времени войн и революций, драм и трагедий в отечественной и мировой истории, которые так или иначе были отражены им в творчестве: Серебряный век и революционные потрясения, первые годы советской власти и участие в плане ленинской пропаганды, эмиграция в США и преданность историческим корням семьи, православие, увлечение учением Рассела и атеизм советской идеологии. Таковы зигзаги истории – смены эпох, идеологий, мировоззрений и отклик на них Конёнкова.

Вместе с тем жизнь самобытного ваятеля цельна, словно вырублена умелой и уверенно спокойной рукой из каменной глыбы. Ее начало связано с древней Смоленской землей, и сюда же, на родную Смоленщину, он неустанно возвращался через десятилетия и в закатные годы, уже после эмиграции, сначала – несмотря на предельную занятость, а потом – противостоя глубокой старости. Он стремился прикоснуться здесь к истокам рода, своей жизни, которые сохранялись, несмотря ни на что: ни на неумолимый ход времени, ни на разрушения войн, оставались для него все тем же живительным родником. И потому персонажи его «Лесной серии» отражали не столько фантазии художника и небывалые сказки, сколько многовековую быль народа, предания его семьи, собственную жизнь ваятеля, становились иносказательными образами народного духа, который так важно было сберечь в потрясениях и противоречиях века войн и революций.

Его годы и дни, казалось, все до единого предельно насыщены событиями, масштабны в свершениях. В них доминировала одна направленность – служение искусству со всей силой исключительного таланта, трудоспособности, неизбывной энергии, эмоционального накала и преданности делу. Сергей Конёнков прожил почти столетие: 98 с половиной лет. XX век поистине стал его веком, так он и озаглавил книгу своих воспоминаний, будучи объективен, – «Мой век». Творческий путь скульптора продолжался более 75 лет, которые можно разделить на три основных периода: предреволюционный и первые годы советской власти, жизнь в эмигра-

¹ Цит. по: Рильке Р. М. Огюст Роден // Роден Огюст. Завещание. СПб.: Азбука, 2002.

ция в США с 1923 по 1945 год и время жизни в советской России с 1945 года и до конца дней. Обращаясь к самым разным стилям, жанрам, образам, он работал постоянно, невзирая ни на какие жизненные сложности и потрясения, работал с неизменным упорством, увлеченностью, самозабвением. Работал в мраморе, гипсе, дереве, глине, терракоте, инкрустировал дерево цветным камнем, использовал бетон и металлоконструкции, фанеру и деревоплиту. Именно дерево, один из самых излюбленных своих материалов, он открыл для русской профессиональной скульптуры. Сергей Тимофеевич создавал произведения в станковой и монументальной сферах как блистательный портретист, мастер жанровой скульптуры, обнаженной натуры, образов фольклора, как историко-религиозный художник-мыслитель.

Его творческое движение – восхождение по символической лестнице мастерства – позволяет судить о развитии отечественной скульптуры на протяжении всего XX века. Конёнков всегда был открыт для всевозможных технических, стилистических экспериментов. Его искусство – при всеобъемлющей и всепобеждающей доминанте реалистического восприятия мира в бесконечном многообразии интерпретаций – в той или иной степени вбирало в себя, откликалось на все новые веяния времени: реализм и неорусский стиль, историзм и модерн, символизм и оттенки авангарда, модернизм и примитивизм, ар-деко и фольклорные начала. Влияния Ренессанса, европейской классики, отечественного искусства скульптуры XIX века, новаторских течений в Европе рубежа XIX–XX столетий нашли отражение в его творчестве, в котором с равной степенью подлинности звучали образы, обращенные и к древности, и к современности.

В произведениях, то былинно-сказочных, то предельно реалистичных, то овеянных дыханием символизма, порой сложно распознать руку одного автора, чьи скульптуры экспонировались в Москве, Санкт-Петербурге (Ленинграде), Лондоне, Будапеште, Братиславе, Праге, Варшаве, Нью-Йорке.

Он был, несомненно, подвижником духа, как, наверное, каждый художник его столь высокого профессионального уровня и глубинной философии творчества. Но Конёнков стал подвижником духа вдвойне – благодаря своей безграничной преданности искусству и неизбывной вере в созидательность труда, христианские истины, наш народ и его многовековую историю, в Россию. Подвижничеству была подобна стойкость скульптора в служении своим идеалам вопреки всем жизненным перипетиям, драмам, трагедиям.

С. Т. Конёнков восхищался произведениями Микеланджело и Родена², называл себя их недостойным учеником, но сумел стать истинным продолжателем их искусства, что из тысяч скульпторов удавалось лишь единицам, заслуженно получив наименования «русского Микеланджело» и «русского Родена». К его жизни и творчеству полностью приложимы слова Р. М. Рильке³ об Огюсте Родене – пояснение сути творчества выдающегося французского скульптора, которое в полной мере соответствует искусству Конёнкова: «Когда-нибудь поймут, почему этот великий художник стал таким великим: оттого, что он был тружеником и хотел только одного – целиком, всеми своими силами вникнуть в низменное и жестокое бытие своего мастерства. В этом было своего рода отречение от жизни, но как раз этим терпением он победил: его мастерство овладело миром»⁴. Мастерство Сергея Конёнкова также овладело миром.

² *Огюст Роден* (1840–1917) – выдающийся французский скульптор XIX века, считается одним из основателей импрессионизма в скульптуре. Самые известные творения – скульптуры «Мыслитель», «Врата ада», «Поцелуй», «Граждане Кале».

³ *Райнер Мария Рильке* (1875–1926) – один из самых влиятельных поэтов-модернистов XX века. Родился в Праге, имел австрийское гражданство, писал стихотворения на немецком, французском и русском языках. Писал также прозу.

⁴ *Рильке Р. М. Огюст Роден // Роден О. Завещание.* СПб.: Азбука, 2002. С. 48.

Глава 1

В караковичах. Быль и грезы детства

Пусть хотя бы один из нас будет ученый!
А. Т. Конёнков⁵

Через чашу начали пробиваться робкие лучи. Высвобождавшееся из сумрачных облаков солнце всполохами света выхватывало из полумрака орнамент хвои, резкие изломы ветвей, причудливый силуэт коряги, напоминающий то ли лешего, то ли неведомого лесного зверя. Встрепенулась невидимая птица от хруста валежника под ногой. Десятилетний крестьянский мальчуган Сергей Конёнков задрал голову к небу: солнце стало клониться к западу, а значит, как бы ни нравилось ему бродить по лесу, с интересом наблюдая за всем вокруг, собирая ягоды да грибы, пора возвращаться домой – в деревню Караковичи. В семье не одобряли, когда он отсутствовал слишком долго. Немало хозяйственных забот было возложено на его отроческие плечи. Об этом годы спустя он вспоминал: «Меня учили всякой работе: и сеять, и за сохой ходить; и знал я, что топор сохе “первый пособник”, и “с топором весь свет пройдешь – и нигде не пропадешь”»⁶.

Сергей Тимофеевич происходил из крестьянского рода Смоленского края. В их семье чтили исконные обычаи, обряды, знали народные промыслы и ценили искусство. Всю жизнь, куда бы ни забросила его судьба: в Рославль или Москву, Санкт-Петербург или Нью-Йорк, Рим или Афины, Конёнков оставался выходцем из Смоленщины, всегда при первой возможности стремился возвращаться сюда.

Первый биограф скульптора, критик Серебряного века, близкий кругу «Мир искусства», Сергей Сергеевич Глаголь (Голоушев)⁷ в очерке «Конёнков. Русское современное искусство в биографиях и характеристиках художников» писал о скульпторе и точно, и поэтично: «Конёнков родом из стародавней земли кривичей, где издревле “грязи смоленские невылазные и леса брынские дремучие”, где живут “лесовики, спокойно сосредоточенные люди, словно знающие какую-то тайну”, где все еще полно старины и веры в домовых, леших и русалок»⁸. Представить образ этих земель, сам дух народный, уклад крестьянской жизни отчасти помогает живописное полотно Виктора Васнецова «Брынский лес», на котором из дремучей чащи, из соснового бора показались две конные фигуры. То ли это крестьяне возвращаются из дальней поездки, то ли древнерусские воины, то ли легендарные персонажи, держащие свой далекий неведомый путь, из тех сказов, которыми так богата была эта земля. «Расстилалось поле, а за ним начинался огромный казенный лес, сохранившаяся часть древних Брынских лесов с соснами в три обхвата... Раз зашли далеко и просились идти дальше, но нам сказали: “Вот лисья нора, а за ней будет волчья, надо возвращаться”». Так писал о Брынских лесах сын художника-«сказочника» Алексей Викторович Васнецов.

О сказах Смоленской земли напоминают и образцы народной резьбы по дереву, в которой можно воочию увидеть тех русалок-берегинь, леших, кентавров, или китоврасов, или полканов, как именовали их по народной традиции. Искусство сопутствовало народной жизни, в том числе на Смоленщине: резьба и роспись, кружевоплетение и вышивка, ткачество и лужение. Предметы быта под умелой рукой крестьянина превращались в произведения искусства,

⁵ Андрей Терентьевич Конёнков – младший брат отца будущего скульптора, Тимофея Терентьевича.

⁶ Конёнков С. Т. Слово к молодым. М.: Молодая гвардия, 1958. С. 32.

⁷ Сергей Сергеевич Голоушев (Глаголь) (1855–1920) – русский художественный и театральный критик, художник, врач по профессии.

⁸ Глаголь С. С. Конёнков. Пб.: Светозар, 1920. С. 21.

которые на языке линии и цвета говорили о былях и небылях крестьянской жизни. В деревнях писали иконы, играли на музыкальных инструментах, сочиняли сказания, а петь и плясать умели почти все. Поэтому с ранних лет будущий скульптор, а пока любознательный мальчуган Сергей Конёнков приобщался к вековой народной мудрости, фольклору, которые всегда были ему столь близки и понятны. Такие традиции он самобытно продолжал в своих авторских работах – вдохновенных скульптурах из дерева, которые через десятилетия получили мировое признание и в наши дни украшают многие выставки и постоянные экспозиции центральных музеев России.

Образы его искусства рождались и из мотивов родной природы, из его умения тонко видеть, чувствовать, понимать эту неизречимую красоту, угадывать ее затаенные смыслы, настроения, множество звуков, цветов, форм, которыми она наполнена. Щедрый и обильный лес его родной Смоленской земли летом, но и зимой лесные дали завораживали его своим особым содержанием – строгим, сдержанным, затаенным. Еще будучи отроком, Сергей любил наблюдать, как в зимней чаще иногда по утрам ветки покрываются мягчайшим пушистым инеем, превращая деревья в чудесных сказочных великанов. В притихших под снежным покровом деревьях он вдруг начинал слышать удивительную музыку леса. Синички пели задорно, словно играли в звонкие колокольчики, быстро перелетая с ветки на ветку, постукивал дятел. Ветер перебирал ветви, а они отвечали ему веселым, приветливым потрескиванием, будто говорили. Но вдруг в это богатое разнообразие лесных звуков врывается, заполнял собой все пространство, разносился на многие версты округи всеобъемлющий перезвон церковных колоколов. Так для него звучала симфония зимнего леса.

Не менее неравнодушен был Сергей и к зимней палитре, к многокрасочной целостности лесного пейзажа. Сколько в нем оттенков – ярких, контрастных, запоминающихся! Множество цветовых сочетаний открывал лес Сергею, делился с ним своим живописным богатством. Он начинал видеть, что в снеге сокрыты голубоватые, синие, фиолетовые, бирюзовые, серые тона, даже лиловые при тревожном сумеречном освещении. Когда на пушистые, словно воздушные, сугробы падал озорной солнечный луч, снег начинал ему казаться золотым, желтоватым, охристым и при этом почти прозрачным. Он настолько ярко сверкал, что отроку чудилось, будто перед ним на лесных полянах загорались россыпи самоцветных камней, о которых говорится в древних сказах. Он вбирал в свою душу эти сокровища родной земли. Взрослея, уже несколько иначе понимал их, но не переставал восхищаться, что годы спустя отразилось в его творчестве – скульптуре, графике, музыке, литературном слого.

«Среди заросших лесами гор на берегу Десны приютилась деревня Караковичи, и здесь-то в простой крестьянской семье под Петров день, 28-го июня 1874 г. родился будущий скульптор»⁹. Трудолюбивая семья Конёнковых была известна в округе. В том же селении Караковичи жило около тридцати их родственников, а их семью, проживавшую в одном доме, составляли четверо братьев: Устин, Андрей, Захар и Тимофей – отец будущего скульптора. «Семья была большая, зажиточная и дружно жившая по старине в строгом подчинении младших старшим»¹⁰. По старинному обычаю хозяйство вели вместе, также сообща решали и все семейные вопросы. Хотя по возрасту старшим был Устин, очень набожный, нередко заменявший местного священника, главой семейства почитали Андрея, слушались его все домочадцы от мала до велика, а умелое руководство семьей особенно важно было в горячую летнюю страду – в пору посева и сбора урожая.

Именно в такое время, 28 июня (10 июля по новому стилю) 1874 года, в Петров день, в семье Тимофея и Анны Конёнковых, где уже было двое детей – Михаил и Анастасия, родился третий ребенок – сын Сергей. Мальчика крестили через неделю – в Караковичах. Как раз закон-

⁹ Глаголь С. С. Конёнков. Пб.: Светозар, 1920. С. 11.

¹⁰ Глаголь С. С. Конёнков. Пб.: Светозар, 1920. С. 11.

чили с сенокосом, нарекли младенца Сергеем, в честь святого преподобного Сергия Радонежского, «радителя и печальника о Русской земле», «светлого светоча во тьме и мраке истории», «отца северного монашества», по летописным свидетельствам. «Имя преподобного в крещении – к счастью младенца»¹¹ – так считал его дядя, Андрей Терентьевич. Образ небесного покровителя всегда много значил для Сергея Конёнкова.

В религиозно-философском, духовно-этическом, эстетико-культурном пространстве Русского Севера личность и учение святого Сергия Радонежского сыграли исключительную роль. Прежде всего он стал родоначальником духовной школы, северного монашества, что, в свою очередь, оставило заметный след в культуре, изобразительном искусстве. Его заветы обрели в России вневременное значение, стали неотъемлемой частью национального самосознания, живительным истоком в православии для художественного творчества, научных исследований, духовных изысканий, одним из подтверждений чему является интерпретация его образов в отечественной культуре рубежа XIX–XX веков. В. М. Васнецов, М. В. Нестеров, Н. К. Рерих, каждый выдающийся живописец России нашел собственное духовно-художественное воплощение образов преподобного Сергия. При всех различиях трактовок они дают целостный образ подвижника, «светлого светоча во тьме и мраке русской истории». Художники абсолютно единодушны были в одном – в осознании выдающейся личности и актуальности содержания его учения. И потому в заключение приведем слова первого биографа Сергия Радонежского Епифания Премудрого, находящие отголоски звучания в живописных трактовках ведущих художников России конца XIX – первой половины XX века. Писатель-агиограф Епифаний о преподобном в похвальном слове: «Дарова нам [Бог] видети такова мужа свята и велика старца и бысть в дни наша»¹².

Заветы христианства и исконные православные традиции Сергей Конёнков пронес через всю жизнь, как и патриархальные многовековые обычаи крестьянской жизни. Они в детском восприятии соединялись с образами его близких людей – родителей, брата и сестры, братьев отца, Татьяны Максимовны – жены Устина, их сына Ивана, а также Кузьмы, сына Андрея и Ефросиньи, его супруги, рано ушедшей из жизни.

Когда Сереже было всего полгода, он сильно заболел, кричал пять дней не переставая, а потом лежал в люльке почти неподвижно, и днем и ночью не смыкая глаз. Болезнь продолжалась шесть недель. Ни семья, ни приглашенный врач не знали, как ему помочь, думали, что младенец уходит из жизни, но он выздоровел. У Анны Федоровны, его матери, от переживаний пропало грудное молоко, и маленького Сережу кормили молоком коровы. Он быстро окреп, стал вставать на ноги, делать первые шаги и начал говорить раньше других детей в семье. Конёнковы восприняли произошедшее как чудо, говорили о Господнем благоволении и о том, что мальчик будет, вероятно, долгожителем. Так и случилось: Сергей Тимофеевич прожил долгую и плодотворную жизнь.

Переживания родных Сергея в связи с его болезнью созвучны фактам жизни семьи Васнецовых, также уповавших на заступничество небесного покровителя – Сергия Радонежского. В письме брату Аполлинарию Александр Михайлович рассказывал: «Во время болезни Сережи в одну из самых тяжелых минут под руку подвернулся “Альбом двадцати пяти художников”. Я задумал погадать на нем: чем кончится болезнь сына... Наугад вытащил из середины картину. Оказалось – нестеровская: “Сергий в юношестве”, где он изображен с медведем. Во мне тоже откликнулось религиозное чувство. Мы решили прибегнуть к его помощи. В тот же день отслужили молебен. Сергий Радонежский – патрон Сережи. На другой же день Сереже стало лучше. И мы решили картину обратить в икону. Вероятно, Нестеров писал картину с

¹¹ Бычков Ю. А. Конёнков. М.: Молодая гвардия, 1985. С. 7.

¹² Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Астрель, 2003. С. 94.

особенным религиозным чувством, потому она и вышла такой чудодейственной»¹³. В письме речь идет о новорожденном сыне Александра Михайловича Васнецова, племяннике художника Виктора Михайловича Васнецова.

В закатные годы Конёнков многократно возвращался в памяти к впечатлениям своего детства, которые значили для него так много. Первые из его воспоминаний – это и образы родных людей, его большой дружной семьи, это и восприятие родного жилища, которое в детстве ему казалось огромным.

Их деревянный дом, добротный, монументальный, действительно был красив и просторен, вмещал 26 человек их семьи, был наполнен широкими столами, бесчисленными лавками и полатами, на которых всем хватало места. Главным помещением, где за большим столом собирались на трапезу, считалась светлая и просторная горница. Дети сюда допускались редко, в виде исключения, поскольку для них предназначалась примыкавшая к горнице черная изба, топившаяся по-черному: дым из комнаты уходил не через трубу, а повисал темным туманом под потолком.

К основному строению примыкали конюшня, свинарник, коровник, закут для овец и еще одно теплое и просторное помещение – давно не беленная хозяевами мазанка, скотная хата, предназначенная для новорожденных детей, а также для телят и ягнят. Этот образ не может не напомнить библейское сказание – рождение Иисуса Христа в яслях среди коров и овец и Рождественский вертеп, сопутствующий христианскому вероучению – празднованию Рождества Христова. Здесь была подвешена к потолку люлька, чтобы младенец не докучал никому из домочадцев своим плачем, только матери или няньке, находившейся при нем. И здесь же, в скотной хате, часто резвились малыши Конёнковы.

Прошло время – в семье Андрея Терентьевича родился сын Федор, и потому подрастающего и окрепшего Сергея перевели в черную избу. Отпрысков каждого из четверых братьев было немало: шестеро детей у Тимофея, шестеро у Захара, пятеро у Устина, один сын у Андрея. Все они росли вместе, дружили и играли, ссорились и мирились, помогали друг другу как могли. С молоком матери впитывали законы дружбы, взаимопомощи, единства семьи, а значит, и понятие Родины, осознания своей причастности к ее судьбе, те понятия, которые Сергей Тимофеевич пронес через всю жизнь.

С ранних лет, сколько Сергей помнил себя, ему была близка и понятна повседневная крестьянская жизнь. Как же он жил в то время, чем был занят, что становилось для него особенно дорогим и интересным? На эти вопросы находим ответ в повествовании Сергея Глаголя, записанном во многом со слов самого скульптора: «До одиннадцати лет Сергей Конёнков жил дома обычною жизнью деревенского ребенка. Летом целыми часами барахтанье со сверстниками в реке и разные детские игры или, когда мальчик подрос, подмога старшим в той или иной работе, а после заката солнца с теми же сверстниками в ночное. И вот здесь-то среди ночной тишины у костра в утреннем тумане, обманчиво меняющем все очертания, быть может, впервые зародились в воображении будущего художника излюбленные им образы сказочных существ»¹⁴.

К тому же для него, тогда малолетнего ребенка, все вокруг – и дом, и дворовые постройки, и окрестные леса – приобретало какой-то свой, неведомый смысл, представало в его детском воображении почти сказочными образами. «Проснется мальчик, и чудится ему, что стоит невдалеке неизвестно откуда взявшийся старичок. Оперся на палочку и стоит. А всмотришься и видишь, что это вовсе не старичок, а просто пень обгоревшего дерева. У дерева на опушке леса тоже притаилась вещая старушка и тоже стоит недвижно и смотрит на догорающий костер, а подойдешь – и нет ничего. Стоит дерево как дерево. Только и всего. Даже

¹³ Письмо Ал. М. Васнецова Ап. М. Васнецову от 28 марта 1903 г. // ОР ГТГ «Васнецовы». № 11/415.

¹⁴ Глаголь С. С. Конёнков. Пб.: Светозарь, 1920. С. 12.

лошади, сонно пофыркивающие вокруг, и они то лошади как лошади, а то вдруг начинают казаться похожими на каких-то неведомых существ...

В деревенской среде, окружавшей мальчика, царила твердая вера в леших, домовых, оборотней и прочее таинственное население крестьянских дворов, по ночам начинающее там свою жизнь. И вот зачастую не только в поле, но и дома все вокруг тоже становилось похожим на сказку, казалось каким-то новым, особенным и жутким. Соберется по осени вечером семья у зажженной в светце лучины. Старшие плетут лапти, малыши тут же, смотрят и учатся, как это делать, или просто дремлют на лавке, а кто-нибудь, чаще всего работники, Иван-косарь или сосед кожемяка по прозвищу Ворона Филиппьевна, заводит сказку, да, как нарочно, страшную-престрашную, и сидит будущий художник слушает сам не свой. Понадобится мальчонке выйти, и тут уж совсем беда. Ведь надо перебежать через темные сени, а как их перебежишь, коли там невесть кто шныряет по углам и, того гляди, схватит за подол рубахи. А добежит мальчик до двери, схватится за клямку, и опять душа уходит в пятки. Ведь за дверью на дворе тоже, наверное, стоит "кто-то" и уже руки растопырил. Растворишь дверь, а он и схватит... И растет в душе будущего художника сказка, и незаметно зарождаются образы, которые потом, через много лет, оформятся, облекутся в плоть и кровь и оживут в его созданиях.

Рядом с верою в домовых и оборотней всегда живет и вера в колдунов, ведовство, разные зелья, привороты, отвороты и т. п.»¹⁵.

Так сказка заглядывала в фантазии крестьянского отрока, но большую часть его времени занимали реалии деревенской трудовой жизни. О быте своей большой семьи и деревенских буднях Сергей Конёнков, уже став известным скульптором, рассказывал образно и подробно: «На другой стороне оврага жили потомки Артамона. Я его помню. Это был старший на моей памяти Конёнков. Он прожил 110 лет. Партизанил с другими Конёнковыми в 1812 году. От той славной поры в памяти древнего деда сохранилось выражение, бытовавшее в засадах против французов: "Не замай! Не замай! Нехай подойдут. Покажем им кузькину мать!"»¹⁶

Прадед Сергея Тимофеевича, Иван Сергеевич, богатырь русской земли и в мирном труде, и в грозную военную пору, живший в эпоху войны с Наполеоном, также был партизаном в местных Ельнинских лесах. Он жил в деревне Нижние Караковичи в скромном доме, крытом соломой, топившемся по-черному, который стоял над самым откосом оврага близ реки Десны. Ивана Сергеевича считали главой рода, и, по семейной легенде, именно он принял решение выйти из крепостной зависимости Лавровых намного ранее реформы 1861 года. Два брата – Иван и Артамон – как старейшины рода, включавшего сорок человек, обратились с таким прошением к хозяину, который согласился продать своих крестьян по пяти десятин за душу, обещав дать вольную, а в действительности Конёнковы получили ее только десять лет спустя. С Лавровыми они частично смогли расплатиться деньгами, а частично выплачивали долг натуральными продуктами своего хозяйства, что длилось годами. Помимо сельского хозяйства обеспечить достаток семьи помогал промысел вязания плотов. Их спускали вниз по Десне и продавали лесопромышленникам.

О своих родственниках, которых помнил всю жизнь, скульптор рассказывал так:

«У Артамона было пять сыновей. Четверо из них обзавелись своими дворами. Артамонята выстроились один за другим. На краю оврага стоял двор старшего – Михаила, за ним дворы Александра, Леона, Никиты. В каждом дворе, само собой разумеется, дети, зятья, снохи. Но все же самым многолюдным в деревне был наш двор, Ивановых. Под одной крышей находилось двадцать шесть человек. Четыре сына Терентия Ивановича – моего деда – Устин, Тимофей, Андрей и Захар жили нераздельно. У каждого своя семья, и немалая, а между тем ссор

¹⁵ *Глаголь С. С.* Конёнков. Пб.: Светозар, 1920. С. 12, 13.

¹⁶ *Конёнков С. Т.* Слово к молодым. М.: Молодая гвардия, 1958 // [Электронный ресурс] URL: <http://sculpture.artyx.ru/books/item/f00/s00/z0000005/index.shtml>.

и конфликтов не было. Все двадцать шесть человек – дружная работающая семья. Старшой, хозяин – дядя Андрей; распоряжаться он любил и при этом был справедлив. Немаловажное обстоятельство и то, что у дяди Андрея и жены его Ефросиньи Осиповны, которая прожила недолго, был лишь один сын – Кузьма... В общем, голова дяди Андрея была более свободна от забот о детях. Быть старшим ему сподручнее, чем другим. Распоряжения дяди Андрея исполняли неукоснительно. Но и всякого рода советы принимались им охотно, если они были резонны. Вставали рано, до свету. Летом спозаранку отправлялись на полевые работы. Зимой много сил требует уход за скотом. Семья держала рабочих лошадей, не одну корову, пускали в зимовку много овец. Выращивали двух-трех свиней, которых закалывали к Рождеству и, засолив в кадке, сберегали до лета. Куры, гуси. Скота много, но молока даже мы, дети, почти не видели. Предприимчивый дядя Андрей большую часть молока отвозил на сыроварню помещика Воронцова. Помещик платил деньгами. По двадцать копеек за ведро.

Сеяли рожь, овес и лен. Рожь – это хлеб. Хлебом кормились. Жена дяди Устина Татьяна Максимовна готовила на всю семью. Через день она пекла пять хлебов, каждый в 15–18 фунтов. Рожь почти никогда не продавали. Овес тоже шел в хозяйство, где были охочие до него лошади, куры и другая живность. Лен – деньги. “Удастся лен, так шелк; не удастся, так шелк”, – гласит пословица. Все покупки в доме за счет льна. Немалую долю убранный с поля льна оставляли себе. Расстилали, мяли, прядли волокнистый ленок, а в долгие зимние вечера женщины на самодельных станках вручную ткали льняное полотно. Хорошо помню, как ткала красны моя мама. Краснами у нас на Смоленщине называют крестьянские холсты. Как хороша была мама в тот момент! Ткацкий челнок легкой птицей порхал у нее в руках.

Старшой распоряжался и за обеденным столом. Есть начинали по его команде. В бытность мою какое-то короткое время старшим был первый по возрасту дядя Устин, но само собой решилось, что это не его удел. Устин Терентьевич – богобоязненный, тихого нрава человек. В доме он успешно руководил лишь молитвой, поскольку всю службу знал на память. В церкви вставал на клирос и вел службу за дьячка, который по богословью в сравнении с ним был просто неуч. На меня дядя Устин не мог повлиять, потому что был человек домашнего кругозора. Жена дяди Устина – Татьяна Максимовна – человек большого сердца. Когда умерла моя мать, она к своим пятерым детям взяла нас – четверых детей Тимофея и Анны Конёнковых. Про моего отца соседи говорили: “Хозяин-то у них по-настоящему Тимофей Терентьевич, только он не лезет”. В самом деле, отец больше других понимал, когда сеять, когда убирать, умел сделать и борону, и колесо, и грабли, и что угодно, но командовать не любил, с добродушной усмешкой наблюдая, как это делает Андрей Терентьевич»¹⁷.

Сергея Конёнков рос смышленным, любознательным ребенком. Он рано начал рисовать и лепить, и в этом увлечении также отличался от других детей. Свои изображения делал очень быстро, похоже, а любой комочек глины под его руками моментально превращался в фигурку животного или сказочное существо. Подрастая, Сергей рисовал и лепил все больше. Изображения вырезал ножницами из бумаги и наклеивал на окна дома, чтобы и с улицы были видны, а вылепленные фигурки расставлял на заборе. Родные поощряли его любознательность, увлечение рисованием, и в округе мальчика вскоре стали именовать «художником».

Исключительно важными для Конёнкова в его восприятии родного края всегда оставались просторы Смоленской земли, ее история, предания и сказки, в которых черпал он силы, находил творческие замыслы. Сергей Тимофеевич писал: «Надо всю жизнь читать мудрейшую книгу природы... Без простора, воздуха и света нет искусства. Даже такая простая и много веков тому назад вошедшая в архитектуру форма, как колонна, прообразом своим имела древесный ствол»¹⁸.

¹⁷ Конёнков С. Т. Мой век: Воспоминания. М.: Политиздат, 1988. С. 9–11.

¹⁸ Конёнков С. Т. Слово к молодым. М.: Молодая гвардия, 1958. С. 27.

Как только Сергей научился читать, он не расставался с книгами, которые порой захватывали его, давали его детскому воображению множество ярких образов. «...Книжка тоже стала раскрывать перед ним новый мир, и опять в новой форме увлекает его все та же сказка. Забравшись куда-нибудь на гумно, с жадностью проглатывает он одну занятную историю за другою: о солдате и чертях, о Марфе-царевне, которая сначала не захотела выйти за солдата замуж, о том, что из этого вышло, и т. д.»¹⁹. Сергей Глаголь, которому скульптор немало рассказывал о своих детских и отроческих впечатлениях, замечал: «С какою яркостью и силою запечатлевалось все это в душе мальчика, можно судить хотя бы из того, что и посейчас Сергей Тимофеевич слово в слово помнит и повторяет эти сказки»²⁰.

Становясь старше, будущий скульптор все более интересовался историей своей семьи, начал спрашивать о ней родных. В крестьянской среде издавна было принято жить большими семьями, включавшими три-четыре поколения, чтить старших, соблюдать нерушимо традиции как в быту, так и в обрядах, в искусстве. Сами крестьяне говорил об этом: «На веках стоим. Делаем, как наши деды и прадеды наставляли». О древних истоках происхождения своего рода, селений Смоленщины спустя годы, возвращаясь в памяти к незабвенным дням своего детства, ваятель рассказывал так:

«Наш прадед Иван Сергеевич Конёнков... был высокий, богатырского сложения мужик с седой, до пояса, бородой. Жил он в деревне Нижние Караковичи. Двор его стоял у истока ключевой воды, на краю оврага, который звался Вихров.

Ключ питал ручей, впадавший в Десну. Нижние Караковичи расположились у самого берега Десны, и жители деревни помимо земледелия занимались тем, что сплавливали лес по Десне и Днепру до самого Херсона. Сплавщикам приходилось проходить днепровские пороги, где когда-то шуму вольной воды вторили громогласные клики казаков с Запорожской Сечи. В дни моего детства по обе стороны реки тянулись вековые леса.

По берегам Десны возвышались насыпные курганы. В древности здесь проходил знаменитый водный путь из “варяг в греки”. В более поздние времена на вершинах насыпных курганов зажигали сторожевые огни, предупреждая об опасности. По Десне издревле жили славяне, кривичи. Жители Караковичей, по видимости, были их прямыми потомками. Рослые, сильные, накрепко привязанные к родной земле, эти люди сквозь века пронесли черты славянского характера, облик и стать славянина.

Дальше по деревне жил отставной солдат Терешка, любивший во всякой сходке показывать приемы фехтования. Парни гонялись за ним с жердями в руках, а он, размахивая палкой над головой, ловко увертывался от тяжелых ударов.

Особняком стоял двор, таинственный и привлекательный. Там жил гончар. Хата гончара просторная, веселая. По полкам у стен расставлена глиняная посуда. Посредине помещения над кружалом сидит горбатый расторопный человек. Он быстро, ловко вертит босыми ногами станок. Под его мускулистыми руками кусок глины на глазах преобразуется. Появляются то кувшин, то горшок, то горлач. Изделие подрезается снизу ниткой и бережно убирается на полку. Там стоят, сбившись в кучу, махотки, двоешки, кринки, матрешки в кичках, платках и повойниках, куры и петушки-свистелки. Радостно смотреть на веселую глиняную рать. Рукава гончара засучены выше локтей, на лбу повязка, чтобы волосы не спадали и не мешали работать...»²¹ Закономерно, что эти детские впечатления дали Сергею основу для увлечения в будущем искусством ваяния.

Однако к крестьянским промыслам он проявлял неменьшие способности. Еще до школы начал помогать взрослым в качестве пастуха, любил с ребятами постарше уходить в ночное.

¹⁹ Глаголь С. С. Конёнков. Пб.: Светозар, 1920. С. 16.

²⁰ Глаголь С. С. Конёнков. Пб.: Светозар, 1920. С. 16.

²¹ Конёнков С. Т. Мой век: Воспоминания. М.: Политиздат, 1988. С. 6, 7.

Здесь, наблюдая за табуном, Сережа не переставал удивляться красоте родной природы. Сначала с опаской смотрел он в лесные дебри или наблюдал за прихотливыми переплетениями береговых кустов, ветви которых образовывали сложные узоры, темной вязью выделявшиеся на водной глади ручья. В его изгибах или в сумраке чащобы ему начинали порой мерещиться герои сказок, которые часто рассказывали в их семье, представлялись и небывалые существа: домовые, русалки, лешии, поверья о которых сопровождали жизнь крестьян.

Иногда он пытался нарисовать их, поначалу безуспешно, но постепенно из-под его карандаша или кусочка угля, взятого около печки, стали появляться образы Ивана-царевича на сером волке, Бовы-королевича, русалок-берегинь, китоврасов, лесовиков и кикимор. По-прежнему начинающий художник не был равнодушен к настроениям родного пейзажа: просторам полей, луговому разнотравью, таинству леса, за темными силуэтами деревьев которого терялась убегающая вдаль дорога.

Итак, будущий скульптор происходил из весьма обеспеченной крестьянской семьи трудолюбивых, не избалованных жизнью людей, привыкших полагаться во всем только на себя и умевших поддерживать друг друга. Об этимологии их фамилии – Конёнковы – многие годы спустя Сергей Тимофеевич рассказывал:

«В конце деревни при кузнице жил кузнец Алексей. Это был гигант, и сыновья Алексея ему под стать – великаны Левка, Гаврила, Гришка. Кузнец дружил с кожемякой Виктором Ивановичем Зуевым из Верхних Караковичей. Зуев тоже отличался недюжинной силой. Немало страху нагоняли они на прохожих, когда, подвыпивши, мчались в гости друг к другу на лихих лошадях. В Нижних Караковичах в бытность мою Конёнковы не жили, но бывали там часто по разным делам и поводам. Помнили, что отсюда происходит род Конёнковых.

Им отвели в собственность двести десятин земли. По пяти десятин на душу, как надел. Потому и выкуп именовался “дарственной”. Старшие рода – братья прадеда Артамон, Филипп, Тимофей, Егор, Григорий, Осип, Илья – стали строиться. Лес таскали на себе, за что и были прозваны “кони”. “На что им кони, они сами как кони”, – говорили крестьяне соседних деревень. Взрослых так и звали “конями”, а малышей – “конятами”. С годами кличка стала фамилией семьи. Поселение из бревенчатых домов на высоком речном берегу над Десной называли Верхние Караковичи. Выкуп был большой. Вольная обошлась семье в несколько тысяч ассигнациями. Выплачивали долго. Даже после отмены крепостного права. Помещик, конечно же, не старался разъяснить, что теперь можно и не платить. Это было уже при мне. Но самое драматичное событие, связанное с выкупом из крепостной зависимости, происходило много раньше. А именно, когда Иван Сергеевич договорился с помещиком об условиях выкупа и был сделан первый большой взнос. Лавров долго не выдавал дарственную на выкуп из крепости. Заболел сильно. “Конята” стали беспокоиться, что умрет помещик, так и не выдав вольной. Старшие пошли к попу и попросили его, когда он будет у Лаврова на соборовании, убедить его дать вольную, чтобы снять ему тяжкий грех с души. То ли побоялся помещик греха, то ли еще что, но выдал он вольную Конёнковым. И случилось так, что вскоре Лавров выздоровел. Молва пошла: выздоровел, потому что поступил “по-Божьему”. А если подумать – у помещика расчет был верный: трудолюбивая семья век в должниках ходить не будет – выплатит “долг” сполна. Так и случилось»²².

Так и стали работающие смоленские крестьяне Конёнковыми, а также называли их в округе по-разному: Кони, а детей именовали – Конята, Конёнки, Конёнковы. Их необычная сила, трудолюбие через поколения в полной мере передались скульптору Сергею Тимофеевичу. Такое происхождение фамилии для традиций Смоленщины того времени достаточно характерно.

Сергей Конёнков вспоминал:

²² Конёнков С. Т. Мой век: Воспоминания. М.: Политиздат, 1988. С. 7, 8.

«Деревенскими соседями прадеда были Волковы, Медведевы, Самсоновы. Я помню одного из рода Самсоновых – могучего человека с лохматыми рыжими волосами и большой бородой. Он запечатлелся идущим по деревне босиком, в длинной холщовой рубахе и холщовых портах. Этот человек навсегда остался в моей памяти как образ силы и мудрой простоты. За Самсоновыми жили Егор Дыненко с семьей, Бараненковы, братья Тереховы – Петруха и Александр. Оба высокие, ладные. Семья Тереховых испокон веков поставляла красавцев-гвардейцев на военную службу в придворные полки.

Помню, как отпущенный на побывку Петр Терехов приходил к нам в деревню на посиделки. Красивый, стройный, в серой шинели, с бряцающей саблей на боку, в медной блестящей каске. Все заглядывались на него, а особенно девушки. Каждая мечтала о таком женихе. Гвардеец к тому же отлично играл на двухрядке, и это придавало ему особое обаяние»²³.

Пройдут годы, и Сергей Тимофеевич Конёнков, ставший известным ваятелем, создаст несколько вариантов скульптуры «Самсон», вылепит с натуры и портрет старейшего крестьянина Караковичей по фамилии Зуев. Но пока смысленный мальчик Сергей, чтящий семейные корни и традиции, лишь начинающий художник, он отличается любознательностью, а потому весьма успешно учится в прогимназии и даже сдает экстерном экзамены за курс классической гимназии. Пройдут десятилетия, и, возвращаясь в памяти к ушедшим годам детства, Сергей Тимофеевич напишет о заре своей жизни лаконично и образно:

«Я родился в 1874 году в деревне Караковичи Ельнинского уезда Смоленской губернии.

Хорошо помню курную избу, в которой появился на свет. На дворе мороз, а изба полна дымом. Печь была огромная – хоть на коне въезжай в нее!

Я рано остался без матери. По рассказам знаю о ней только хорошее и помню ее красивое лицо. Остался я на попечение отца и тетки. Чуть подросла старшая сестра – стала меня нянчить...»²⁴

При множестве хозяйственных дел, к которым детей Конёнковых начинали привлекать рано, Сергею хватало времени и для рисования, и для участия в народных обычаях, обрядах. По вечерам он любил наблюдать за матерью и отцом, всегда занятых повседневной работой. Отец в округе был известен как мастер на все руки, никому не отказывавший в помощи. Он умел и столярничать, и плотничать, мог хомут сплести, любой инструмент починить. Трудился всю жизнь, любил свое дело. О повседневной жизни семьи Сергей Конёнков писал так: «Бывало, в зимние вечера вся наша изба полна народом. Кто лапти плетет, женщины вяжут, а я по обыкновению с карандашом. Под тусклый свет лучины начинали петь песни. Тут и я карандаш в сторону и без конца слушал то тягучие, то звонкие, крылатые русские песни про горе и радость»²⁵.

Так детские годы Сергея Конёнкова, подобные ясной и неспешной заре жизни, проходили в сельской патриархальной среде. Традиции деревенского уклада, яркие впечатления от окружающей природы во многом способствовали формированию не только душевного склада впечатлительного, тонко чувствующего красоту отрока, что через многие годы нашло отражение в его творчестве, но и сильного независимого характера, свободолюбивого мышления, что в дальнейшем многократно давало скульптору силы «плыть против течения», создавать произведения, отражающие его бунтарский дух, ломающие каноны ваяния²⁶.

Всю жизнь он с благодарностью вспоминал свои рассветные годы, вновь и вновь обращался к их образам в памяти, и эти детские впечатления давали ему и силы, и волю, и новые творческие замыслы. Уже на закате жизни, в 95 лет, он изваял композицию «Отец и сын» –

²³ Конёнков С. Т. Мой век: Воспоминания. М.: Политиздат, 1988. С. 6, 7.

²⁴ Конёнков С. Т. Слово к молодым. М.: Молодая гвардия, 1958. С. 24.

²⁵ Конёнков С. Т. Слово к молодым. М.: Молодая гвардия, 1958. С. 26.

²⁶ Таковы скульптурные работы С. Т. Конёнкова: ранний «Автопортрет», «Камнебоец», «Самсон», «Освобожденный человек» и другие.

автопортрет рядом с отцом Тимофеем Терентьевичем Конёнковым. Эта скульптура, словно подводившая итог, замыкавшая жизненный цикл, стала одной из последних в его столь насыщенной свершениями творческой летописи. Родную деревню и ее жителей будущий ваятель описывал живописно, образно, эмоционально, так же как лепил или вырезал свои скульптурные произведения:

«Деревня Верхние Караковичи... стояла на двух косогорах. (Я не ошибся, сказав “стояла”. Фашистское нашествие оставило на месте крепких, сложенных из вековых деревьев дворов Верхних Караковичей одни головешки. Новое поселение, возникшее в послевоенные годы, и зовется иначе – Конята. Как видно, моим землякам полюбилось это прозвание “Конята”, появившееся на свет полтора столетия назад.) Глубокий овраг разделял Караковичи на две половины. На одном косогоре – семь дворов, на другом – десять. Оба косогора – один, наш, поросший еловым лесом, и другой, Артамоновский, весь в березах – полого спускались к Десне. Наш двор, Ивановых, стоял на правом, если смотреть от реки, косогоре. Ивановыми мы звались по имени прадеда Ивана Сергеевича. Обитатели других дворов тоже именовались от старейшего в роду или в доме. В Верхних Караковичах без этого трудно было бы обойтись. Ведь вся деревня – Конёнковы»²⁷.

В 1890 году, когда Сергею исполнилось 16 лет, была сделана фотография всей их большой дружной семьи. На ней первым справа узнаем дядю будущего скульптора Андрея Терентьевича Конёнкова, сыгравшего весьма важную роль в выборе профессионального пути племянника, рядом – отец будущего скульптора Тимофей Терентьевич, а между ними, чуть выше, – гимназист Сергей Конёнков, подперев рукой подбородок, остро, серьезно смотрит прямо в объектив. Та же прямота взгляда, отражающая напряжение мысли, характерна почти для всех многочисленных фотографий скульптора.

Впечатления о далеких днях детства Сергея Тимофеевича хранят для нас два его рисунка, один из которых относится к раннему, другой – к завершающему периоду творчества. «Дом Конёнковых в деревне Караковичи» – самое раннее из его ныне известных произведений, датированное 1892 годом, – исполнено начинающим 18-летним художником, и, напротив, уже в 1950-е годы, на закате жизни, он нарисовал цветными карандашами графическую полихромную композицию «Кони... Конята... Конёнковы...»²⁸, служащую визуальным напоминанием о поколениях его семьи и этимологии их фамилии. Сергей Тимофеевич, будучи уже известным, умудренным жизненным опытом скульптором, не раз возвращался в памяти к корням своего рода:

«Помню я своего деда, рослого, крупного человека, который прожил более ста лет. В пору моего детства дед уже потерял счет дням... Со слов деда у нас в семье хранилось много рассказов о том, как в 1812 году на нашу древнюю смоленскую землю пришли французы и у нас со двора увели корову.

Помню, как в субботний день зажигали лампады, и старший брат отца, дядя Устин, начал читать акафист. Лампадки теплятся, а мы молитвы поем»²⁹. К детским и отроческим воспоминаниям, к милому его сердцу облику близких людей он обращался и будучи студентом Московского училища живописи, ваяния и зодчества: в 1895 году исполнил графические портреты «Дядя Захар Терентьевич» и «Татьяна Максимовна».

Всегда для него важны были и образы родной реки, о чем скульптор говорил как-то по-особенному, словно рассказывал стародавнее предание:

²⁷ Конёнков С. Т. Мой век: Воспоминания. М.: Политиздат, 1988. С. 8.

²⁸ Графическая полихромная композиция «Кони... Конята... Конёнковы...» принадлежит собранию Мемориального музея-мастерской С. Т. Конёнкова в Москве на Тверском бульваре.

²⁹ Конёнков С. Т. Мой век: Воспоминания. М.: Политиздат, 1988. С. 8.

«Я вырос на Десне и хорошо знаю родную реку, ее заводи, перекаты, прибрежные насыпные курганы, сохранившиеся еще с тех времен, когда здесь проходила водная дорога “из варяг в греки”».

Караковичи раскинулись на высоком берегу реки. Такие же кручи, как в Киеве над Днепром. С высоты виднеется необозримый простор. А в дни половодья это раздолье как океан.

В дни моего детства по обе стороны реки тянулись богатырские, вековые леса. В них водились лисы и медведи.

Я любил смотреть, как из-за Десны над верхушками громадных елей восходит солнце. В прибрежных камнях и зарослях ловил раков. Увязывался со старшими мальчишками в ночное, а днем пас телят»³⁰.

Впечатления детства, соединенные с фантазиями и вымыслами, с народными сказами и поверьями, спустя десятилетия будто получили новую жизнь, найдя отражение в широко известной и ныне «Лесной серии» Сергея Конёнкова. Первым по хронологии в ней стала скульптура «Лесовик» 1908 года. Создавая образы полуреальных-полусказочных лесных жителей, он работал преимущественно в дереве, возрождая значение этого материала в профессиональной скульптуре. При этом под его рукой сохранялась и фактура дерева, и сам древесный ствол, ибо фигуры только отчасти высвобождались из него. Руки и ноги персонажей часто были едва намечены, часто сжаты вместе, скованны, еще находясь во власти дерева. Так в эпоху Ренессанса могучие образы Микеланджело, столь чтимого Конёнковым скульптора, порой не покидали полностью глыбы мрамора, из которых были изваяны.

Сергей Тимофеевич, несомненно, воспринял уроки великого мастера, но со свойственным именно ему художественным почерком, талантом именно русского скульптора претворил в другом материале, обращаясь к древним духовным и историческим корням национального искусства. На языке скульптуры он напоминал в «Лесной серии» о славянских мифах, древнерусских былинах и легендах, исконных сказах нашего народа, отраженных в фольклоре, как песенном и литературном, так и в изобразительном искусстве.

Вспомним по сей день остающиеся недостаточно изученными образцы русской народной деревянной скульптуры, получившей распространение во времена Древней Руси, а особенно в XVIII–XIX столетиях, прежде всего на Русском Севере и в Пермском крае, известной по всей России. Помимо скульптурных коньков крыш, резьбы охлупней, ставен, балясин, голбецов, были распространены иконографические типы круглой скульптуры – «Спас в тернии» или «Спас Полунощный», «Благовещение», «Святой Николай», реже изображались Параскева Пятница, Иоанн Предтеча, Георгий Победоносец, евангелисты, сюжет «Не рыдай Мене, Мати». Привнесенные характеристики персонажей перерабатывались в народной среде в самобытные по художественному видению образы, как, например, в скульптурах иконографии «Спас в тернии».

Русские крестьяне избирательно воспринимали внешние влияния, дополняли их самобытными чертами. Лики полихромных скульптурных фигур нередко приобретали ярко выраженный национальный, часто крестьянский характер. При письме личного³¹ и одеяний святых отдельные приемы вторили иконописной манере крестьянской росписи, использовались сходные технико-технологические особенности. В несколько грубоватой скованной трактовке фигур также сказывалось воздействие фольклора.

Сергей с детства знал, как чтити такие образы, считали их намоленными, едва ли не чудотворными. Нередко крестьяне проходили десятки верст, чтобы только поклониться такой скульптуре, стоящей в далекой лесной часовне. В дар приносили вышитые полотенца, зерно

³⁰ Конёнков С. Т. Слово к молодым. М.: Молодая гвардия, 1958. С. 25.

³¹ Лично́е, или лично́е письмо – в иконописи изображение лика и других открытых частей тела святого. Как правило, исполняется знаменщиком (главным иконописцем) или отдельным мастером – личником.

и хлеб, кринки с молоком или сметаной и говорили об этом: «Чтоб молитва была услышана». Так соединялись народные верования с православной верой, древние обычаи – с храмовым богослужением.

Под резцом Конёнкова, так же как у народных мастеров, из коряг и пней рождались овеянные его памятью, жизнью леса и древних преданий народной мудрости то ли люди, то ли причудливые существа, небывалые звери и птицы, даже языческие божества, как Стрибог. Множество вариаций они приобрели в творчестве скульптора: «Старичок-полевичок», «Лесовик», «Старенький старичок», «Старичок-кленовичок», «Красавица в кокошнике», «Старик-пасечник», «Лебедь с вытянутой шеей», «Журавль», «Сова-ведьма», «Сирин», «Мы – ельнинские», «Пан, играющий на свирели», «Женская голова» – этюд к «Жар-птице», «Святогор», «Царевна».

Первый биограф скульптора Глаголь писал, как в 1900–1910-е годы Конёнков «увлекается своею давнею мыслью воссоздать наивную мифологию древней Руси и режет из дерева своего “Лесовика”, “Старенького старичка” и, наконец, “Старичка-полевичка”. Если народ при виде того, как дружинники Владимира топили в Днепре древнего Перуна и кричали: “выдыбай Боже”, то пусть же он снова выплывает на Москве-реке у старого Кремля. Вот мысль, которая давно зрела в душе художника, давно была его заветною мечтою и к осуществлению которой он наконец приступил. Само собою разумеется, что материалом для этого нового мира возвращающихся представителей древней славянской мифологии, для этих вековечных обитателей лесных дебрей, не мог служить ни мрамор, ни даже вообще камень. Для Микеланджело в мраморе дремали боги, которых ваятель вызывал к жизни из недр каменной глыбы. Для Конёнкова в стволе каждого векового дерева даже не дремали, а таинственно жили ушедшие туда много веков назад лесные духи: кленовичок, старичок-полевичок или просто старенький старичок, русалочка, страшный до смешного черт Астрахан или сама бабушка ведьма-костяная нога.

С детских лет эта таинственная жизнь леса была для художника еще большей реальностью, чем вся остальная окружавшая его сутолока. Порою базар житейской суеты вытеснял эту жизнь природы из сферы сознательных переживаний художника, целый ряд лет он даже в сфере своего художественного творчества был от нее далек и стремился к воспроизведению окружавшей его житейской прозы, но в глубине своей души и в тайниках своей подсознательной жизни Конёнков всегда оставался преданным этой сказке леса, впитанной им еще с детских лет, и как только с годами стряхнулось все, навеянное школою, как только художник почувствовал свою силу и сознал свое право быть самим собою, так эта дремавшая в душе его сказка вырвалась наружу»³².

Так память детских лет Конёнков пронес через всю жизнь. А пока, в 1880-е годы, на заре своего пути, он любовался красотой родной земли, впитывал обычаи столь любимой им семьи, узнавал традиции своего народа, что врезалось в его память, обогащало душу, давало силы во всех перипетиях жизненного пути. Позднее скульптор писал об этом:

«Верили не только в Бога, но и в леших, домовых и в прочую “нечистую силу”.

Фантастический мир был для меня очень реальным. В ночном лежишь у костра, задуматься, и чудится, что стоит рядом неизвестно откуда взявшийся старичок. А всмотришься – и видишь: вовсе это не старичок, а просто обгоревший пенёк.

На опушке леса притаилась старушка, смотрит, как костер догорает. А на самом деле – это только дерево.

Казалось, что на согнутом суку березы раскачивается русалка и ее длинные волосы касаются самой земли.

Мог ли я думать тогда, что в этом мире сказки уже зарождались многие будущие мои произведения?

³² Глаголь С. С. Конёнков. Пб.: Светозар, 1920. С. 30.

Разве не из лесной опушки “появился” мой тихий и молчаливый “Старичок-полевичок”, которого я вырубил из ствола дерева? Ведь еще в детстве я видел его с сутулой спиной и локтями, прижатыми к бокам, в сердцевине старого дуба. Еще в детстве из глубины древесного ствола видел я его добрый и веселый взгляд. Вот и вышел он из дерева, подпоясанный толстой веревкой. В суме у него деревянные дудки: поднесет он их ко рту, и зазвучат они как певучий ветер в листве.

Вышел мой “Старичок-полевичок” из лесу и зашагал по выставкам, опираясь на свою клюку, и добрал до одного из залов Третьяковской галереи»³³.

Сергей Конёнков начал рисовать очень рано. Многие годы спустя вспоминал, что ему не было еще пяти лет, когда впервые стал брать в руки карандаши и рисовать зайцев, медведей и коров с пастухом. Мальчику стали покупать карандаши и бумагу, а начинающий художник, радуясь поощрению взрослых, вырезал свои рисунки, наклеивал их на оконные стекла, чтобы они были заметны снаружи. Ворота и заборы разрисовывал углем.

«Семья Конёнковых была богобоязненная, свято соблюдала праздники и их обычаи. Чистая половина избы вся была увешана иконами, а перед иконами лампадки теплятся, и каждую субботу или накануне праздника все собирались здесь вечером, читали соответствующий акафист или пели молитвы, и новые необычные переживания тоже оставляли глубокий след в душе ребенка.

Оттого ли, что чаще других (каждую субботу) читался акафист Божьей Матери или просто производил он на ребенка более сильное впечатление, но скоро стал он рисовать Богоматерь, какую видел ее на образах, а затем и других святых. Стал он рисовать и многое другое: коров на дверях коровника, лошадей на воротах и заборах или сцены из сказок на стенах и т. п., причем старшие в семье особенно одобряли рисование икон, дядя Андрей даже стал давать мальчику специально для этого бумагу и карандаши»³⁴.

Однажды в деревню приехали художники-иконописцы, увидели рисунки Сергея, похвалили и дали ему сухих красок и золота. Тогда, благодаря этому случаю, он начал рисовать иконы уже не только карандашом, но и красками. Односельчане также ценили его первые иконописные произведения, на большие праздники стали заказывать ему написать икону, а когда приезжали в Караковичи священники, крестьяне просили их освятить написанные подростком образа. Еще в начале XX века у некоторых старожилів Караковичей хранились первые живописные и графические работы начинающего Конёнкова.

Не без гордости вспоминал Сергей Тимофеевич: «Приедет, бывало, поп в Караковичи – ему со всех сторон несут мои иконы святить. В те годы ходили по деревням книгоноши, продавали раскрашенные картинки. Мне они очень нравились, особенно народные лубки. Стал я такие картинки рисовать. Односельчане оклеивали ими стены своих изб. А потом большой толчок моему рисованию дал отставной офицер Владимир Николаевич, который сменил Егора Андреевича»³⁵. Этот человек был мастер на все руки. Он и сам любил рисовать и книги переплетал»³⁶.

С каждым годом все больше и больше рисовал Сергей. Изображал, как правило, животных и жанровые сценки – то, что видел вокруг, не переставал украшать более монументальными композициями, нарисованными углем, заборы и ворота дома. Эти факты о первых опытах в искусстве С. Т. Конёнкова очень близки свидетельствам о первых изображениях И. К. Айвазовского в его родной Феодосии, а также воспоминаниям Аполлинария и Виктора Васнецовых, которые в том же возрасте и точно так же начинали рисовать в селе Рябово Вят-

³³ Конёнков С. Т. Слово к молодым. М.: Молодая гвардия, 1958. С. 26.

³⁴ Глаголь С. С. Конёнков. Пб.: Светозар, 1920. С. 15.

³⁵ Они оба учительствовали в местной школе.

³⁶ Конёнков С. Т. Слово к молодым. М.: Молодая гвардия, 1958. С. 30.

ской губернии. С детских лет Иван Айвазовский, как и Сергей Конёнков, проявлял незаурядные способности к искусствам. Они оба тонко чувствовали музыку, да и талант к рисованию у обоих нисколько не уступал музыкальному дару, а скорее даже превосходил его.

Иван Айвазовский рисовал самоварным углем на беленых стенах родного дома. Сергей Конёнков из глины лепил фигурки животных. Прошли десятилетия, и об особой одаренности незаурядных подростков узнали не только в России и Европе, но и по всему миру. Но на заре творчества об их талантах судить, конечно, было еще сложно.

Во многом таким же было начало творческого пути и другого старшего современника Конёнкова – знаменитого живописца-«сказочника», а в середине XIX столетия еще юного начинающего художника Виктора Васнецова, который свои первые произведения – сначала детские рисунки, затем почти профессиональные работы – тоже создавал углем, взятым около печки в родном доме.

Аполлинарий Васнецов, художник-пейзажист, которому старший брат Виктор помогал в детстве, покровительствовал в юности, поддерживал во взрослой жизни, также восхищался красотой северных просторов. Многие годы спустя Аполлинарий Михайлович вспоминал: «Из окон нашего дома был виден большой лес, залегавший в верховья Рябовки... Лес находился всего в версте, даже меньше, и мы часто ходили сюда за грибами, а я – рисовать ели и пихты»³⁷. Так же, как Виктор, словно вторя ему, Аполлинарий всю жизнь немало писал и рисовал с натуры на родной вятской земле.

Детские годы крестьянского отрока из семьи Конёнковых на Смоленщине, помимо рисования и лепки, были наполнены множеством забот: и учением, и хозяйственными работами. Пока он не помышлял всерьез ни о скульптуре, ни о выставках, ни о жизни в столице, известности, зарубежных путешествиях, а если бы и подумал об этом, то такие перспективы показались бы ему фантастикой, несбыточной мечтой. Однако искусство его увлекало все больше и больше. С родным краем были связаны его первые представления о скульптурном мастерстве, о создании трехмерной формы, что началось с постижения гончарного и плотницкого промыслов. По словам скульптора, «в соседнем селе работал гончар, вытачивал горшки, кувшины, петушки и свистульки из чудесной глины, взятой с берега Десны. Бывало, этой глиной у нас в деревне женщины мыли руки – они становились как шелковые.

Я часами следил за движениями гончара. Так хотелось и мне быть таким же умелым.

Плотники избу “в крест” кладут, и у меня руки чешутся. С какой лихостью, бывало, бросят они топор в стенку или играют им промеж пальцев. Недаром говорится: “Топором играючи”»³⁸.

Взрослея, он все больше тянулся к знаниям, да и других детей их семьи, подрастающих «кончат», надо было учить. Потому крестьяне деревни Караковичи решили пригласить учителя, оборудовать школу, под которую выделили пустующую избу. Сообща быстро сколотили стол, лавки – помещение класса было готово.

Сергей Конёнков рассказывал о начале своего учения в местной школе так:

«Учителя нанимали “всем миром”, в складчину. Выбирали подходящую избу, расставляли столы и скамейки – вот и школа. В одной комнате обучались одновременно три класса.

– Буки, аз, буки, аз!

Гам стоял ужасный, а учитель, отставной солдат Егор Андреевич, только и кричал:

– Громче! Громче!

В стене торчала розга – пук березовых прутьев...

Наступал полдень, и Егор Андреевич по своей старой привычке становился во фронт и громко командовал: “Кончать занятия!”

³⁷ Цит. по: *Евстратова Е. Н.* Виктор Васнецов. М.: Терра – Книжный клуб, 2004. С. 14.

³⁸ *Конёнков С. Т.* Слово к молодым. М.: Молодая гвардия, 1958. С. 32.

После обеда мы снова собирались в избе и дотемна сидели за бумагой. Во время уроков чистописания было тихо, только слышно, как гусиные перья скрипят.

Чернила делали сами; за кляксу получали линейкой по ладони. Но мы так наловчились слизывать эти кляксы языком, что даже Егор Андреевич не мог их приметить.

Помню, как однажды я обратил внимание, что первая строчка выведенных мною букв была заметно лучше второй строчки. Я об этом рассказал дома дяде Андрею и спросил: “Почему же такая разница?” – и услышал ответ: “По нерадению”.

С тех пор я старался ничего и никогда не делать “по нерадению”³⁹.

Учителя в школе Караковичей сменялись почти ежегодно, а потому очевидно, что образование, которое могли получить деревенские дети, было непоследовательным. При этом из учителей как наиболее колоритный персонаж Сергею запомнился именно Егор Андреевич, расстриженный монах почтенных лет. Он был, с определенной точки зрения, яркой личностью, прожил очень нелегкую жизнь: 15 лет служил солдатом, после чего принял постриг в монастыре Рославля, ближайшего города к Караковичам, но был расстрижен из-за своего крутого нрава, никак не соответствовавшего понятиям о христианских кротости и смирении. По этим причинам и началось учительствование отставного солдата-монаха.

Егор Андреевич не был бездарен в этой области: строг на уроках, любил говорить громко, словно отдавал военные команды, так же громко призывал детей читать вслух, отвечать. По своему наставник привязался к своим ученикам и от души старался научить их всему, что знал сам, даже изготовлению чернил из ольховых шишек и жженных желудей. После окончания занятий, особенно часто в конце учебного года, он с удовольствием играл со своими учениками и даже совместно с ними устраивал подобию театральные представления. Игры Егор Андреевич нередко придумывал сам, веселые и забавные, и сам участвовал в них с неменьшим увлечением, чем детвора. Одним из таких экспромтов отставного солдата, особенно запомнившимся Сергею, была игра в войну, в которой солдат заменяли снопы. Ребята, повинувшись командам учителя, перемещали их то направо, то налево, и восторгу их не было конца.

Ему удалось обучить местных детей чтению, письму, основам Закона Божьего, что для крестьянской среды второй половины XIX века уже было немало. Далеко не все взрослые жители Караковичей были грамотными, не все стремились к образованию. Даже когда речь зашла о необходимости открыть школу в деревне, некоторые выступали против, говорили, что в крестьянском труде грамота не нужна.

Все же польза уроков Егора Андреевича для детворы стала очевидна. Так прошло, промелькнуло незаметно учебное время от ненастной осени до первых по-настоящему теплых весенних дней. На уроки приходило все меньше ребят: они уже были заняты в полях, помогали родным с посевом. Учитель стал прощаться с детворой, сказав напоследок, что они многому научились, стали грамотными людьми.

«Говорливый человек, со странностями, но очень добрый» – так заключал воспоминания о нем Сергей Тимофеевич многие годы спустя, будучи знаменитым седовласым скульптором, с благодарностью обращаясь в памяти к одному из первых своих учителей⁴⁰.

Егор Андреевич, приехав в Караковичи, остановился в доме Конёнковых, да так в их семье и остался надолго. В летнее время помогал и в поле, и с домашним хозяйством, в холодные месяцы учительствовал по соседним селениям.

Образование Сергея и его сверстников в родном селе было продолжено уже благодаря новому учителю. Им стал давний друг Конёнковых, отставной офицер, волостной писарь Владимир Николаевич Головлев, который и преподавал, и помогал Андрею Терентьевичу справляться с хозяйственными расчетами. Головлеву сразу удалось найти общий язык со школьни-

³⁹ Конёнков С. Т. Слово к молодым. М.: Молодая гвардия, 1958. С. 28.

⁴⁰ Конёнков С. Т. Слово к молодым. М.: Молодая гвардия, 1958. С. 29.

ками, ребятам нравилось отгадывать его загадки, учить вместе с ним считалки, скороговорки, слушать интересные рассказы. К тому же новый наставник любил и знал отечественную классическую литературу, а потому в классе читали «Родное слово», «Хрестоматию» Басистого. Более разнообразной, строгой стала учебная программа: утром занимались чтением и арифметикой, после обеда – письмом, а именно переписывали отрывки из книг, а наставник следил, чтобы не делали грубых ошибок, старался привить ученикам каллиграфический почерк. Кроме того, Владимир Николаевич учил крестьянских ребят ценить книги, бережно к ним относиться, самим их переплетать, украшать переплеты картинками. Часто он ставил в пример остальным тех учеников, кто много и хорошо рисовал, и прежде всего Сергея – в этом умении никто из одноклассников с ним не мог сравниться.

Голавлев также поселился у Конёнковых, и у Тимофея Терентьевича с Егором Андреевичем часто возникали споры о методах преподавания, о приоритете тех или иных знаний. Дети слушали их разговоры и споры молча, в дискуссии взрослых им вступать не разрешалось.

В летнюю пору Егор Андреевич работал на пасеке – пчельнике, как говорили на Смоленщине, где справлялся с работой не хуже, чем в деревенской школе, показал себя мастером на все руки. Со слов Конёнкова, частого гостя пчельника, любившего наблюдать как за жизнью пчел, так и за трудом учителя, Глаголь писал:

«И вот на пчельнике все тоже становится необычным и странным, а ветхий пчелинец, которого и пчела не жалит, кажется загадочным ведуном, и когда начнет он бережно выбирать пчелок, запутавшихся в волосах его седой бороды, и ласково с ними разговаривает, то кажется мальчику, что это совсем неспроста, что знает старик какой-то особый язык пчелиный, а с ним, конечно, и много чего иного таинственного и никому другому неведомого.

Да и мудрено ли, что на пчельнике все иное и на обычную жизнь непохожее. Стоит ведь пчельник в лесу, далеко от жилья, медведь сюда по ночам наведывается, колоды ломает, медом лакомится, а пчелинец ничего себе, живет в своей сторожке и не думает бояться. А тут еще поселился на пчельнике ушедший из монастыря монашек Егор Андреич и стал делать совсем что-то чудное. Завелись на пчельнике муравьи, огромный муравейник вывели и повадились мед воровать. Чего старик с ними ни делал: и муравейник разбрасывал, и дегтю в него наливал, и разную пакость клал, ничто муравьев не берет.

– Ах, ешь вас мухи с комарами! – ворчит Егор Андреич.

– Не хотите добром уходить, так я с вами такое сделаю, что все уйдёте. – И стал муравьев ловить по паре или по тройке: зажмет в ладони, скинет лапти, засучит штаны, перейдет в брод к островку на озерке у пчельника да и пустит туда муравьев.

– На ка-сь, уйдите теперь отсюда к своему муравейнику! – Да так изо дня в день и таскал туда муравьев.

– Ты что делаешь, Егор Андреич? – любопытствует мальчик, а Егор Андреич усмехнется, сделает хитрое лицо, подмигнет да и шамкает:

– Как что делаю? Видишь, муравьев переселяю...»⁴¹

Еще несколько учителей сменяли друг друга в деревенской школе, и от каждого из них Сергей Конёнков пытался получить как можно больше знаний, все запомнить, сам читал книги или журналы на те же или подобные темы, что изучали в школе. Литературы в их доме по крестьянским меркам имелось немало. Журналы и газеты, как правило, привозил Андрей Терентьевич, который был вхож во все помещичьи дома в округе. Все чаще он заставлял племянника то склонившимся над книгой или над листом бумаги, то что-то старательно лепящим из глины. Дядя Андрей уважительно относился к любознательности и способностям Сергея, но нередко все же прерывал его занятия строгим словом: «Поработай-ка лучше в поле – боронить пора!»

⁴¹ Глаголь С. С. Конёнков. Пб.: Светозар, 1920. С. 13.

Мальчик не возражал – трудолюбием он отличался с раннего детства, и потому весь день провести в полях за работой было для него делом привычным.

Начиная учиться далеко не в самых простых условиях, не располагавших к глубокому освоению знаний, Сергей все же смог их получить, старался заниматься подолгу, вдумчиво, внимательно, постоянно улучшая свое образование. Подрастая, он тянулся к учению больше и больше, стал настаивать на гимназическом образовании, которое получали в то время преимущественно дворянские дети, а он, крестьянский сын, должен был довольствоваться реальным училищем. Однако Сергей твердо стоял на своем, и наконец, уступая его просьбам, родственники решили отдать его в гимназию города Рославля под Смоленском. Поступить туда оказалось не так-то просто: и материально, и в отношении начального уровня знаний. Однако подготовиться к непростому вступительному экзамену подростку помог случай. Жившие неподалеку помещики Смирновы решили отдать в ту же гимназию Рославля своего сына Александра и искали для него сверстника-соученика. Им указали на талантливого крестьянского мальчика из Верхних Караковичей, Сережу Конёнкова. Так и началось обучение будущего скульптора в доме Смирновых.

Наставником обоих абитуриентов у Смирновых стал не окончивший семинарии Алексей Осипович Глебов, которого мальчики воспринимали как своего старшего товарища. Вместе они читали сочинения классиков русской литературы: А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева. С неменьшим интересом рассматривали подшивки журналов «Нива», которые позволили Конёнкову впервые познакомиться с репродукциями многих произведений искусства, а также занимались математикой, географией, историей. Не менее важным для Сергея оказалось то, что в доме Смирновых много музицировали. Вечерами хозяйка, Мария Александровна Смирнова, и ее гости исполняли романсы Варламова и Гурилева под аккомпанемент Алексея Глебова. На будущего скульптора уже тогда музыка производила особенно сильное впечатление, что будет характерно для него всю жизнь, неоднократно отразится в творчестве, в том числе в создании ярчайших скульптурных произведений: «Бах», «Паганини», «Шаляпин», в портретах его современников-музыкантов.

О своем первом восприятии классических музыкальных произведений он вспоминал так: «Мария Александровна проникновенно пела “Выхожу один я на дорогу”. Услышав впервые ее пение, я тотчас узнал слова, написанные на перегородке нашей деревенской школы. Мне сказали, что автор этого замечательного поэтического создания Михаил Юрьевич Лермонтов. Для меня в этой волнующей душу песне впервые открылась связь поэзии с музыкой»⁴². Позднее он не только откроет для себя не менее явную связь музыки и скульптуры, но и будет убежден, что с музыкального впечатления, музыкальной фразы должна начинаться работа над ваянием. Так скульптура для него обретала образ визуализированной музыки, облеченной в самые разные материалы, формы, фактурные трактовки. Как в детстве, так и в зрелые годы Конёнкова глубоко волновала музыка и все с ней связанное. Об этом позволяет судить и сохранившаяся фотография 1962 года, на которой убеленный сединами скульптор благоговейно держит в руках истинную реликвию – скрипку Страдивари.

Вновь наступала весна, а с ее приближением необходимо было твердо принять решение – поступать ли Сереже в рославльскую гимназию. Он проявлял несомненные успехи в учении, много читал, тянулся к творчеству, что ценили в семье. «Дядько» Андрей за это даже преподнес племяннику новые сапоги, как у взрослых, что считалось дорогим подарком. Дружная и весьма состоятельная по крестьянским меркам семья Конёнковых могла себе позволить оплатить его гимназическое обучение, для которого тогда было достаточно ста рублей в год.

⁴² Бычков Ю. А. Конёнков. М.: Молодая гвардия, 1985. С. 22.

Андрей Терентьевич на правах главы семьи наконец сказал: «Пусть хотя бы один из нас будет ученый!»⁴³

Пролетело лето, и в осенний ясный день 1885 года Конёнковы провожали на гимназическое обучение в Рославль Сергея всей семьей, не только ближним кругом. Собралось человек 30 родственников, едва ли не все селение пришло, от мала до велика. Выделялись в толпе пришедших «артомонята» – правнуки Артамона Сергеевича: Лаврен, Федор, Сеня, Иван, Константин и Дарья, державшиеся вместе. Тихо стояли чуть в стороне Василий, Иван и Настя Осиповы. Старший в их семье, Алексей Осипович Осипов, был известным в деревне начетником, то есть человеком, хорошо знающим Священное Писание. Сергей как мог скрывал волнение, на глазах тети Татьяны Максимовны, жены Андрея Терентьевича, во многом заменившей ему мать, он заметил слезы. Отец, Тимофей Терентьевич, стараясь не показывать тревоги, лишь сказал: «Учись, сынок... Старайся!»

Телега, в которую, простившись с семьей, сели Андрей Терентьевич с племянником, тронулась. Конь Пегарка, доставшийся Конёнковым годовалым жеребцом в качестве приданого матери, Анны Федоровны, по-прежнему крепкий, бодро затрусил по проселочной дороге, поднимая облака пыли, а выбравшись на Московско-Варшавский тракт, что вел к Рославлю, пошел ровно, быстро, словно спеша приблизить Сергея к неизведанным свершениям и неизвестным событиям будущего. Для одиннадцатилетнего мальчика открывалась новая жизненная страница.

⁴³ *Глаголь С. С.* Конёнков. Пб.: Светозар, 1920. С. 16.

Глава 2

Тревоги юности

Всякое познание начинается с ощущения, проходит через различные ступени и возвышается до философского знания.

Аристотель

В Рославле для Сергея Конёнкова начался новый, уже почти самостоятельный этап жизни, главным содержанием которого стало приобщение к знаниям и будущей профессии. Он вспоминал об этом времени так:

«Нанял мне дядька Андрей квартиру у одной мещанки, за семь рублей в месяц с харчами, а рядом с моей комнаткой была другая, которую снимала артель трепачей (треплющих пеньку). Было их человек двадцать и между ними двое: Василий и Протас, замечательные рассказчики. Это были люди, от природы одаренные удивительную способностью импровизировать и придавать своим импровизациям характер ритмической и рифмованной речи. Соберется, бывало, вечером артель на отдых, а Протас покурит, подумает и начинает:

В некотором царстве, в некотором государстве,
А именно в том, в каком мы не живем,
Было это в невесте, в королевстве
На ровном месте.
Это не сказка, а только присказка
От Брянска до Витебска,
А сказку буду говорить завтра после обеда, поевши мяса да хлеба.
Так вот жил в том царстве царь Додон, а у царя Додона
Дочка Алена...

И льется безыскусственная импровизация как по-писаному, а я, разумеется, уж тут как тут. Брошены заданные уроки, и весь я обращаюсь в слух, а Протас говорит, говорит, да на самом интересном месте оборвет и “мужует”.

– Стой, – говорит, – братцы. Надо передышку сделать. Водицы испить хочется. Дай-ка, малый, ковшик-то.

Или покурить захочет, и много бумаги из моих тетрадей пошло на курево Протасу. До того ли тут было, чтобы бумагу считать, когда в голове одна мысль: что дальше Протас расскажет? И многое множество всяких сказок накопилось в моей памяти от этого времени»⁴⁴.

Но это общение не мешало упорной учебе Сергея. Он, даже предоставленный самому себе, без контроля старших, оказался прилежным учеником, усердно готовился к занятиям, делал домашние задания, много читал и рисовал. В первое время преподаватели и гимназисты относились к крестьянскому отроку не без некоторой иронии и недоверия. Он сидел на задних партах, вел себя очень тихо, мало разговаривал со сверстниками. В конце учебного года пришлось время держать экзамены, и Сергей сдал их только на положительные оценки, по многим предметам показав отличные знания, особенно по латыни и греческому языку, как ни казалось бы это парадоксально для выходца из крестьянской среды. Такие успехи свидетельствовали об остром уме, начитанности, хорошей памяти, выработанной во многом благодаря усвоенной с детства привычке много читать и пристально наблюдать за окружающим, не оставляя вне

⁴⁴ Глаголь С. С. Конёнков. Пб.: Светозар, 1920. С. 18.

внимания мельчайшие детали. Такие качества будут отличать Сергея Конёнкова и во взрослой жизни и многократно пригодятся ему.

Кроме того, и учителя, и сверстники оценили его способности к рисованию, в чем с ним никто из учеников гимназии, как ранее в деревенской школе, не мог равняться. И так, в 1880-е годы он успешно продолжил обучение в Смоленске, экстерном сдал экзамены за гимназический курс. Судить об облике любознательного гимназиста нам позволяет его фотография, сделанная в 1891 году. Уже на закате жизни скульптор вспоминал о тех годах:

«Мне было одиннадцать лет, когда я переступил порог рославльской прогимназии, выдержал экзамены, стал гимназистом, и про меня, деревенского мальчишку, стали говорить: “Эх ты, гимназист, серая куртка, лавровая ветка!”

Город Рославль. Больше семидесяти лет прошло, как я жил на его улицах, а мне до сих пор часто снится окруженное забором двухэтажное здание прогимназии, Бурцева гора, собор работы знаменитого Растрелли и речка Глазмойка.

Живя в Рославле, я переменил много квартир и хозяев; жил и на Рачевке, и в центре города, близ церкви и острога.

Когда с книжками возвращался на квартиру, я постепенно постигал и то, что “не задавали”... Рославль стал для меня настоящим университетом»⁴⁵.

В гимназический период, несмотря на предельную загруженность учебной работой, не ослабевал интерес Сергея Конёнкова к изобразительному искусству. Бывая в гостях у гимназистов, в их домах, он рассматривал картины и гравюры на стенах, радовался, когда была возможность полистать журналы по искусству: «Живописное обозрение», «Пчелка», «Нива».

Здесь же, в Рославле, в период учебы Сергей Конёнков впервые открыл для себя театр, который потряс его, став неотъемлемой частью его внутреннего мира на всю жизнь. Годы спустя сам скульптор так судил об этом:

«Первые мои встречи с музыкальным театром, с оперой произошли в Рославле, где я учился в прогимназии. Во время масленичных гуляний 1890 года в Рославле выступала украинская труппа. Мы, гимназисты старших классов, не пропускали ни одного представления»⁴⁶.

В этот же период состоялось поистине судьбоносное событие в жизни будущего ваятеля – его переросшее в дружбу знакомство с племянником известного скульптора М. О. Микешина,⁴⁷ учившимся в этой же гимназии. Мальчики все чаще общались, Сергей стал приходить в дом Микешиных, видел здесь множество скульптурных, живописных, графических произведений главы семьи и принял для себя решение стать скульптором, получить профессиональное образование в Москве.

Семья Конёнковых благосклонно отнеслась к его замыслу, в том числе дядя Андрей, глава рода, который хотя и по возрасту не был старшим, но избирался таковым на семейных советах. Родственники поставили Сереже условие: если летом будет хороший урожай, то на вырученные деньги он сможет поехать в столицу, чтобы попробовать поступить в Московское училище живописи, ваяния и зодчества.

«... Дядя Андрей подсчитал наличный капитал и порешил:

– Ежели Господь пошлет хороший урожай, быть по-твоему. Соберись с силами, дам 50 р., и поезжай с Богом. Учись, работай! Может, и человек из тебя выйдет. Только не пеняй, если ничего больше посылать не буду. Пора тебе на свои ноги становиться»⁴⁸.

⁴⁵ Конёнков С. Т. Слово к молодым. М.: Молодая гвардия, 1958. С. 33.

⁴⁶ Конёнков С. Т. Воспоминания. Статьи. Письма: В 2 т. М.: Изобразительное искусство, 1985. Т. 2. С. 144.

⁴⁷ Михаил Осипович Микешин (1836–1896) – русский художник, скульптор, автор памятников в городах Российской империи, среди которых наиболее известны памятник «Тысячелетие России» в Великом Новгороде и памятник Екатерине II в Петербурге. Учился в Академии художеств (1852–1858) по классу батальной живописи. Известен также как живописец и рисовальщик. Принадлежал к плеяде иллюстраторов-реалистов эпохи 1860-х – 1870-х годов.

⁴⁸ Глаголь С. С. Конёнков. Пб.: Светозарь, 1920. С. 19.

Сергею Конёнкову шел в то время уже восемнадцатый год.

Лето 1892 года оказалось жарким и влажным, урожай был собран даже более богатый, чем можно было ожидать, и теперь ничто не препятствовало поездке Сергея в столицу, поступлению в Московское училище живописи, ваяния и зодчества и началу «новой жизни» в Первопрестольной.

Будучи уже известным скульптором, Сергей Тимофеевич справедливо замечал, что его первым учителем была сама природа. Именно в ней многие художники разных эпох и стран, работавшие в различных стилях и художественных манерах, видели своего главного Учителя. Нельзя не вспомнить слова пейзажиста А. К. Саврасова, наставлявшего с отеческой заботой своих студентов в Московском училище живописи и ваяния: «Надо у природы учиться. Видеть надо красоту, понять, любить... Природа вечно дышит, всегда поет, и песнь ее торжественна... Прославляйте жизнь. Художник – тот же поэт»⁴⁹. Ему вторил один из талантливейших его учеников, «русский импрессионист» К. А. Коровин: «А я доньше доброе имел спеть людям – песню о природе красоты»⁵⁰. Свое мнение высказывал и скульптор Конёнков:

«Среднерусская родная природа была моим первым учителем.

Мне пришлось в жизни сдавать самые разные экзамены – и по чистописанию, и по латыни, и по анатомии, быть участником многих конкурсов; но только великий учитель – природа до сих пор не поставила мне никакой отметки. Она учит меня и сегодня.

С годами, живя в городах, мы забываем о земле, о травах и семенах. Многие довольствуются только тем, что видят кусок неба в оконной раме и слушают бесстрастные “сводки погоды”. А как дивно, когда сам ты можешь и по закату солнца и по гомону и полету птиц угадать погоду.

Я всегда стремлюсь из города на простор.

Горе тому, кто слеп и глух к природе, к лесу, к утренним зорям. Надо быть зорким»⁵¹.

Как созвучны были его переживания тех дней, особенно в дни ожидания перемен – отъезда из родного Смоленского края в Москву, вдохновенным поэтичным строкам его современника, известного поэта Серебряного века Александра Блока:

Погружался я в море клевера,
Окруженный сказками пчел.
Но ветер, зовущий с севера,
Мое детское сердце нашел.

Призывал на битву равнинную —
Побороться с дыханьем небес.
Показал мне дорогу пустынную,
Уходящую в темный лес.

Я иду по ней косогородами
И смотрю неустанно вперед,
Впереди с невинными взорами
Мое детское сердце идет.

Пусть глаза утомятся бессонные,

⁴⁹ Коровин К. А. Воспоминания. Минск: Современный литератор, 1999. С. 118.

⁵⁰ Коровин К. А.: Жизнь и творчество. Письма. Документы. Воспоминания / Сост. Н. М. Молева. М.: Издательство АХ СССР, 1963. С. 103.

⁵¹ Конёнков С. Т. Слово к молодым. М.: Молодая гвардия, 1958. С. 26, 27.

Запоет, заалет пыль...
Мне цветы и пчелы влюбленные
Рассказали не сказку – быль⁵².

Сергею Конёнкову было суждено учиться, а точнее – жить искусством, вживаться в него, переживать и выражать свои чувства и мысли через изобразительное творчество в стенах знаменитого, а отчасти и легендарного Московского училища живописи, ваяния и зодчества (МУЖВЗ) в течение долгих и вместе с тем пролетевших как одно мгновение семи лет: с 1892 по 1899 год.

⁵² Блок А. Погружался я в море клевера... // Каталог стихотворений. [Электронный ресурс]; URL: <https://www.culture.ru/poems/2740/pogruzhsya-ya-v-more-klevera>.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.